

Научная статья

УДК 255+260.2

https://doi.org/10.25803/26587599_2023_48_13

Н. В. Ликвинцева

Практическая экклезиология: мысль протоиерея Сергия Булгакова о Церкви и ее преломление в деятельности социально-миссионерского объединения «Православное Дело»

Наталья Владимировна Ликвинцева

Дом русского зарубежья имени А. И. Солженицына, Москва, Россия,

natalia.likvintseva@gmail.com

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена работе социально-миссионерского объединения «Православное Дело», созданного в 1935 г. в эмигрантском Париже м. Марией (Скобцовой), духовной дочерью прот. Сергия Булгакова, всесторонне поддерживавшего работу организации. Статья фокусирует внимание на двойной взаимосвязи: на преемственности и переключках между религиозной мыслью м. Марии и богословием о. Сергия Булгакова и на том, как экклезиологические воззрения обоих мыслителей стали фундаментом для практической работы «Православного Дела». Уже первые опыты религиозно-философской мысли Е. Ю. Скобцовой связаны с выделением ею «основного русла» русской религиозной мысли, творческим итогом которого она считает софиологию о. Сергия, а основной интуицией — «Богочастица мира». После монашеского пострига м. Мария размышляет над должным ответом церкви на социальные вызовы XX в., опираясь на мысли о. Сергия о социализме как вызове времени, ответ на который должна дать именно церковь. Оба мыслителя размышляют над экклезиологическими основаниями такого ответа. Булгаков выстраивает экклезиологию «живой соборности», противостоящую атомизированной раздробленности коллектива. Разви-

© Ликвинцева Н. В., 2023

вая идеи о. Сергия, м. Мария разрабатывает экклезиологию «внехрамовой литургии», изливающейся как из центра из приобщенности к Евхаристической жертве в мир, и охватывающей собою всех. Оба мыслителя размышляют в этом ключе о роли творчества, об укорененности экклезиологии в Евхаристии, о роли страдания и сострадания. Мысль о Церкви как о «живом многоединстве» становится фундаментом работы «Православного Дела» с его подходом к каждому нуждающемуся как к подлинной личности, помощь которой должна оказываться целостно, на уровне тела, души и духа. Важным моментом становится и братское единство тех, кто оказывает такую помощь: они должны быть «малой церковью», приобщающей остальных к общей творческой жизни во Христе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: богословие, экклезиология, соборность, социальная работа, церковь и общество, литургия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ликвинцева Н. В. Практическая экклезиология: мысль протоиерея Сергия Булгакова о церкви и ее преломление в деятельности социально-миссионерского объединения «Православное Дело» // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. Вып. 48. С. 13–30. https://doi.org/10.25803/26587599_2023_48_13.

N. V. Likvintseva

Practical Ecclesiology: Archpriest Sergius Bulgakov's Thought on the Church and its refraction in the activities of the social-missionary association "Pravoslavnoe Delo"

Natalia V. Likvintseva

**The House of The Russian Abroad of A. Solzhenitsyn, Moscow, Russia,
natalia.likvintseva@gmail.com**

ABSTRACT: The article examines the activities of the social-missionary association "Pravoslavnoe Delo", created in 1935 in émigré Paris by mother Maria Skobtsova, the spiritual daughter of Archpriest Sergius Bulgakov, who comprehensively supported the work of the organization. The article focuses on a dual relationship: on the continuity and overlap between the religious thought of mother Maria and the theology of Fr. Sergius Bulgakov, and on how the ecclesiological views of both thinkers became the foundation for the practical work of the "Pravoslavnoe Delo". The very first experiments of the philosophical thought of Elizaveta Skobtsova are connected with her definition of the "main channel" of the Russian thought.

She regards the Bulgakov's sophiology as the creative result of this channel the main intuition of which is "God-participation of the world". After her monastic vows, mother Maria reflects on the proper response of the Church to the social challenges of the 20th century, relying in her reflections on Fr. Sergius's thought about socialism as a challenge of the time, to which the Church must give the answer. Both thinkers reflect on the ecclesiological basics for such an answer: Bulgakov builds an ecclesiology of "living sobornost'" that opposes the atomized fragmentation of the collective. Developing the ideas of Fr. Sergius, mother Maria evolves the ecclesiology of the "Liturgy outside the church walls", pouring out of the center as communion with the Eucharistic sacrifice into the world, embracing everyone. Both thinkers reflect in this domain on the role of creativity, on the rootedness of ecclesiology in the Eucharist, on the role of suffering and compassion. The idea of the Church as a "living polyunity" becomes the foundation of the activity of the "Pravoslavnoe Delo", with its approach to every person in need as a true personality, whose help should be provided holistically, at the level of body, soul and spirit. An important point is also the fraternal unity of those who provide such assistance: they must be a "small Church" that unites the rest to the creative common life in Christ.

KEYWORDS: theology, ecclesiology, sobornost', social work, church and society, liturgy

FOR CITATION: Likvintseva N. V. (2023). "Practical Ecclesiology: Archpriest Sergius Bulgakov's Thought on the Church and its refraction in the activities of the social-missionary association 'Pravoslavnoe Delo'". *The Quarterly Journal of St. Philaret's institute*, iss. 48, pp. 13–30. https://doi.org/10.25803/26587599_2023_48_13.

В 1935 г. духовная дочь о. Сергия Булгакова монахиня Мария (Скобцова) создает в эмигрантском Париже социально-миссионерское объединение «Православное Дело». Отец Сергий участвует в учредительном собрании, на котором принимают устав нового общества. Константин Васильевич Мочульский записывает 27 сентября 1935 г.:

На Лурмель литургия. Служит о. Сергий Булгаков. Торжественное заседание: Владыка Евлогий, от. Сергий, Н.А. Бердяев, мать Мария, Пьянов и я. Обсуждается и принимается устав «Православного Дела». Мать Мария — председательница. Владыка говорит: «Помогайте меньшей братии. Храни вас Господь. Над вами Покров Пресвятой Богородицы» [Мочульский, 69].

Как духовник и друг м. Марии, о. Сергей¹ следит за работой «Православного Дела» и всячески поддерживает ее, бывает на культурно-миссионерских собраниях в штаб-квартире объединения — доме 77 по улице Лурмель, служит время от времени в лурмельской Покровской церкви; с его легкой руки расходуется в эмигрантских кругах шутивное определение этого приюта для нуждающихся — «шаталова пúстынь» [Гаккель, 80]. Сохранился важный архивный документ — справка на французском языке, на бланке «Православного Дела», за подписью м. Марии, датированная 1 декабря 1939 г. и адресованная префекту полиции, удостоверяющая его в том, что Ф. Т. Пьянов работает в объединении и получает там зарплату: в «шапке» документа перечисляются участники «Православного Дела». Среди рядовых членов значится и «Rev. Prof. S. Boulgakoff»² [Справка]. Прижизненный сборник проповедей о. Сергия «Радость церковная» был издан в Париже в 1939 г. именно по инициативе и при поддержке «Православного Дела». Когда в 1939 г. готовится к печати сборник «Православное Дело», в него, как предполагалось вначале, должна была войти наряду со статьями активных участников объединения и статья о. Сергия Булгакова — «из глубокого уважения к ее автору, богословие которого так богато социальными вдохновениями» [Мать Мария 1992а, 250]. При этом и мысль, и жизнь самой м. Марии, в их неразрывной целостности, весь путь ее церковного служения, апогеем которого во многих отношениях стало создание и деятельность «Православного Дела», проходил в напряженном богословском диалоге с о. Сергием. Булгаковские идеи часто становятся тем фундаментом, на котором строится, то продолжая ее, то полемизируя с ней, уже собственная, оригинальная богословская мысль м. Марии, тесно переплетенная с ее деятельным служением ближнему. Эту двойную связь — взаимодействие богословской мысли двух выдающихся представителей русского зарубежья и связь их экклезиологических воззрений³ с реализацией в конкретном церковном «деле» — мы предполагаем рассмотреть в этой статье.

Уже само освоение Е. Ю. Скобцовой пространства религиозно-философской мысли (выразившееся, главным образом еще до ее пострига, в целом пласте публицистики для газеты «Дни»,

1. О взаимоотношениях прот. Сергия Булгакова и м. Марии (Скобцовой) см.: [Викторова].

2. «Свящ. проф. С. Булгаков» (фр.).

3. О «персоналистической экклезиологии» прот. Сергия Булгакова см.: [Хондзинский].

О тесной связи булгаковской экклезиологии с его христологией см.: [Kisliakov]. Об основных положениях экклезиологии м. Марии (Скобцовой) см.: [Ликвинцева, 58–62].

в деятельности кружка РСХД по изучению России и в создании ряда работ по истории русской религиозной философии и ее рецепции в XX в.) связано с определением, описанием и продумыванием того, что она называет «основным руслом» русской мысли. Главными вехами этого русла становятся фигуры А. С. Хомякова, Вл. С. Соловьева и Ф. М. Достоевского (им посвящены написанные для РСХД и вышедшие в 1929 г. брошюры Е. Ю. Скобцовой⁴); идет эта линия от первых неуклюжих мыслительных попыток, связанных с идеей России как Третьего Рима, а последним словом на этом пути становится софиология о. Сергия Булгакова. Основная интуиция этой линии — чисто софиологическая: речь идет о «Богочастности мира» и «миропричастности Бога» [*Мать Мария 2019, 260*], о неразрывной связи Бога и мира.

Сразу после монашеского пострига освоение м. Марией социальной проблематики движется, в отличие от булгаковской мысли, не столько в теоретическом, сколько в практическом плане: сначала как секретарь РСХД по социальной работе, затем как создательница благотворительных общежитий и столовых, она исходит из конкретных нужд конкретных русских эмигрантов, пытаюсь справиться с этим морем социальной беды церковными средствами, сплавить воедино свою социальную активность, движимую состраданием к ближнему, обретенным через призвание «всеобъемлющего материнства» [*Гаккель, 39*], — и свою церковную жизнь, личный духовный путь. Как вехи на этом пути в начале 1930-х гг. в эмигрантской периодике появляются статьи м. Марии о социальных задачах, встающих перед церковью, перекликающиеся с размышлениями на эту же тему о. Сергия. В 1930–1933 гг. в «Новом граде» постепенно, в трех частях, выходит большая статья Булгакова «Душа социализма», которую он начинает с мысли, что вся «жизнь народов сейчас находится под знаком социализма» [*Булгаков 1931, 49*] и именно поэтому с идеей социализма следует разобраться, «стоя на твердой догматической, а не только этической почве, — в жизненной связи с Церковью, но однако не упрощая вопроса» [*Булгаков 1931, 50*]. Об этом же размышляет и м. Мария тоже в новоградской статье 1933 г. «Крест и серп с молотом»: освободить нашу жизнь «из тупика», из «социального ада»,

4. См.: «А. Хомяков» [*Мать Мария 2019, 160–183*], «Достоевский и современность» [*Мать Мария 2019, 184–215*], «Миросозерцание Вл. Соловьева» [*Мать Мария 2019, 216–237*].

по ее мысли, «может только Церковь» [*Мать Мария 1992a, 239*]. Отец Сергей выделяет две характерные черты социализма, которые стали настоящим вызовом для XX в., и утверждает, что ответы на этот вызов может и должна найти именно церковь: черты эти — «социологизм и экономизм» [*Булгаков 1931, 52*]. Перед лицом социологизма, по Булгакову, церковная мысль, богословие призваны «дать ответ на вопрос, пред которым в бессилии останавливается социология, — как совместить и в мысли, и в жизни равную реальность и самобытность, как личности, так и целого общества» [*Булгаков 1933, 36–37*]. Поиском ответа на этот вопрос стал разработанный о. Сергием и прочитанный им в Свято-Сергиевском православном богословском институте курс «христианской социологии»⁵. Экклесиологическая же интуиция Булгакова противопоставляет здесь атомизированному человеческому обществу с его «принудительным соединением человеческих атомов» [*Булгаков 1933, 38*], механически разделенному на классы и страты с их псевдосолидарностью, — «живую соборность», которая есть «догматическое основание церковной общественности» [*Булгаков 1933, 41*]. Для ответа на этот вызов времени «в народе церковном должен забить ключ нового вдохновения» [*Булгаков 1933, 41*], тогда как «нетворческое отношение к социальной жизни есть грех современного христианства» [*Булгаков 1933, 42*]. С «социологической» точки зрения подходит к эмигрантскому обществу и Е. Ю. Скобцова в новоградской статье 1932 г. «Социальные сдвиги в эмиграции», размышляя о том, как изменились в пореволюционной эмиграции социальные страты, в том числе о том, как трансформировался привычный прежде водораздел между трудовым народом и интеллигенцией: в новых эмигрантских условиях интеллигенция тоже вынуждена заниматься тяжелым физическим трудом, тоже оказалась «в трудовой гуще жизни» [*Скобцова, 74*]. Важно, что мысль и деятельность м. Марии теперь уже все время движутся в самом поле «живой соборности», противостоящем атомистической раздробленности механического коллектива (хомяковскую идею соборности она считает одним из самых существенных вкладов в «основное русло» русской религиозной мысли): она снова и снова возвращается к ней в своих работах, продумывая саму возможность и необходимость «воплотить в жизнь соборные и богочеловеческие начала, лежащие в основе нашей православной церкви» [*Мать Мария 1992a, 229*].

5. См.: [*Булгаков 1991*].

Вторым вызовом социализма нашему времени, по Булгакову, оказывается «экономизм», ставящий человека в зависимость от природы и обращающий внимание на принципиальную роль труда. В этом есть определенный резон, считает о. Сергей, ведь «мир дан нам не на погляденье»; прежде мыслители всего лишь обдумывали его, а теперь «пора его переделать», мир стал «человеческим делом» [Булгаков 1931, 54]. Творческое хозяйственное освоение мира было ключевой темой философской мысли С. Н. Булгакова еще в «Философии хозяйства» (1912) и в «Свете невечернем» (1917). В 1931 г. он ставит проблему хозяйства перед церковным сознанием, требуя «духовного уразумения, догмата... о хозяйстве» [Булгаков 1931, 54], — только так возможно преодолеть материалистический экономизм, совместить хозяйственное развитие и эсхатологию, церковным образом подступиться к проблеме труда. В «Невесте Агнца» сама история уже рассматривается в перспективе такого творчески-хозяйственного освоения, «очеловечения» мира: «История включается в общее дело ософийения мира в человеке и через человека» [Булгаков 1945, 370]. Теме оцерковления труда, самой возможности «свободного труда и свободного построения общества на трудовом начале» [Мать Мария, 1992а, 240–241] посвящена статья м. Марии «Крест и серп с молотом». Она подхватывает саму эту идею «человеческого дела» как церковной задачи, как федоровского «общего дела» (а мысль Н. Ф. Федорова прот. Сергей Булгаков оценивал очень высоко), — практической реализацией такой задачи как раз и станет проект создания «Православного Дела»⁶. В 1932 г., почти сразу после пострига, м. Мария публикует в 5-м номере журнала «Новый град» статью с характерным названием «К делу», ставя новые творческие задачи перед монашеством, которое, считает она, в современной ситуации уже не может укрыться от мира с его социальными проблемами и бедами:

наше монашество должно поставить перед собою задачу занять такое же организующее место в нашей жизни, какое ему принадлежало в отдаленные времена. Задачу надо ставить в полный рост и не смущаться ее размерами [Мать Мария 1992а, 206].

Стоит также отметить, что и Булгаков, и м. Мария особенно подчеркивают творческий характер такого церковного дела;

6. См. напр.: [Крошкина].

не просто возможность творчества для человека, но и, как пишет о. Сергей в «Невесте Агнца», «его неизбежность», насущную необходимость:

Ибо человек призван «творить дела» силою Христовой, вдохновением Духа Святого. Человек послан в мир для творчества в нем. Его творчество не только самолично, но и софийно, оно выявляет софийный лик творения [Булгаков 1945, 359].

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. Е. Ю. Скобцова пишет ряд статей, в которых была предложена ее собственная оригинальная философия творчества. Статья «В поисках синтеза» («Путь». 1929. № 16) посвящена необходимости преодолеть разрыв между духовной и светской составляющими культуры, чтобы прийти к «синтетической культуре», так как только в ней возможно «приближение к истинному пути», «воплощающему идею Богочеловечества» [*Мать Мария 1992б, 134–135*]. В статье «Истоки творчества» («Путь». 1934. № 43) м. Мария развивает «евангельскую теорию творчества», акцентируя внимание на том, что человек в своем творчестве подражает самому творческому из всех творцов — Христу, творчество Которого состояло в свободном подчинении Себя воле Отца. Подлинное творчество таким образом, по м. Марии, укоренено в троической творческой любви. Тем самым оно уже само «является актом некой соборности, некоего абсолютного общения не только с Богом, но через Бога и со всем миром» [*Мать Мария 1992б, 147*].

Необходимо также подчеркнуть, что термин, ставший уже своеобразной «визитной карточкой» мысли м. Марии и основным концептом ее теоретической экклезиологии — «внехрамовая литургия», — тоже был подхвачен ею от о. Сергия Булгакова. Елизавета Юрьевна услышала его впервые в булгаковском докладе, прозвучавшем в июле 1926 г. на III местном съезде Русского студенческого христианского движения во Франции, первом из съездов РСХД, на которых она присутствовала, тематически центрированном как раз вокруг литургии. В статье «Богомолье», написанной ею об этом съезде для газеты «Дни», она говорит, что общая духовная насыщенность съезда «была безмерно превзойдена в докладе о. Сергия Булгакова. Трудно представить себе возможность словесного обозначения того мистического ведения, которое ему присуще» [*Мать Мария 2019, 265*]. Булгаковский доклад в своей статье об этом съезде подробно излагает Лев Зандер:

«Темой о. Сергия была „литургия как средоточие церковной жизни“, наше предстояние в ней Самому Господу:

Но, соединяясь с Господом, мы вместе с тем соединяемся в литургии и между собою — так же тесно, нераздельно и близко, как соединены в испеченном хлебе отдельные зерна пшеницы. <...> Литургия есть венец жизни, которая вся до конца служит подготовлением к ней и ее продолжением. А такая близость храма и окружающего его Божьего мира, такая внехрамовая литургия возможна только при том условии, если мы постоянно носим в себе память о Господе и живем во Христе, выполняя Его заветы и почерпая для этого силы в общении с Ним [Зандер 1927, 116–117].

Главный момент в экклезиологии «внехрамовой литургии» м. Марии — это видение Церкви как «литургических» отношений между людьми [Шмагина-Великанова, 40]. Сам этот образ напоминает некий вселенский родник, или фонтан, в центре которого — Евхаристия, евхаристическая жертва, но изливающаяся из этого центра в мир «невидимая Церковь» не имеет границ и покрывает собою все человечество, всех и каждого. Ключом к такому пониманию Церкви становятся слова, которые мы произносим в ходе храмовой литургии: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся». «Они действительно „все“, — пишет м. Мария, — т. е. все возможные на нашем пути встречи, все нам Богом посланные люди. Стена храма не отделила какое-то малое стадо от этих всех» [Мать Мария 1992а, 148]. Принципиальным моментом такого бесконечно расширяющегося диаметра окружности внехрамовой литургии оказывается подлинная приобщенность его центра к евхаристической жертве Христа, т. е. готовность разделить эту жертву, стать ее частью, потому что за каждой литургией Агнец Божий приносится в жертву за грехи мира. Мать Мария продолжает:

И мы, приобщенные этому жертвенному Телу, сами становимся отданными на жертву — «от всех и за вся». В этом смысле внехрамовая литургия и есть наше жертвенное служение в храме мира, украшенном живыми иконами Божиими, служение общее, все человеческое жертвоприношение любви [Мать Мария 1992а, 148]⁷.

7. Об экклезиологических основаниях важнейших богословских интуиций м. Марии, о связи ее мысли, самого образа ее веры с тем, как она понимает Церковь, пишут исследователи ее творчества. Протоиерей Эндрю Лаут отмечает,

что «вера, которой м. Мария жила и за которую умерла, неразрывно связана с ее пониманием природы Церкви, требованиями Евангелия и тем, что заключено в попытке следовать Христу» [Лаут, 196]. Роуэн Уильямс отмечает, что для м. Марии

Именно эта приобщенность евхаристической жертве и является не просто темой, но нервом и тональностью всего богословия о. Сергия, также размышлявшего о том, что «Церковь не имеет границы, потому что ей принадлежит все мироздание, которое есть ее периферический, космический лик» [Булгаков 1945, 291]. Именно в Евхаристии, в этом вкушении Тела и Крови Христа, отдавшего Себя в жертву за жизнь мира, в этом приобщении к Его жертве, «соединяется во Христе Церковь как Тело Христово» [Булгаков 2021, 183]⁸.

В аспекте такой экклезиологии, в центре которой стоит евхаристическая жертва Христова, у обоих мыслителей по-новому начинает звучать тема страдания и сострадания, участия церкви и каждого христианина в страданиях мира, которое предполагает вовлеченность церкви и христиан в решение социальных проблем. Сама их мысль словно вбирает в себя такое страдание, пропитывается им, становится мостом между страдающим миром и жертвенно со-страдающим Богом. Булгаков в военные годы разрабатывает «софиологию страдания», словно вливая собственные страдания, связанные с раком горла и операциями, в общемировую катастрофу. Антуан Нивьер писал об о. Сергии, что тот «действительно интериоризировал страдания, вызванные великими катастрофами XX века» [Nivière, 226]. Мать Мария в такой разделенности страданий идет еще дальше, до последнего предела христианского сострадания ближнему, до смерти «за други своя», в которой она разделила со всеми жертвами XX в. самую страшную их участь: страдания и гибель в условиях массовых смертей концентрационного лагеря.

Вероятно, самым примечательным и наименее исследованным остается не столько теоретическая преемственность мысли о. Сергия в экклезиологии м. Марии, сколько то, что в созданном ею

«христианская любовь к ближнему — это экклезиологическая тема» [Williams, 236]; он пишет: «Для св. Марии понимание христианской любви как чего-то, укорененного в дарованной свыше солидарности, не имеющей ничего общего с естественной симпатией или индивидуальным решением, это то, что подразумевается верой, что Церковь определяется соборностью и что фундаментальная реальность человеческого существования — всеобщая ответственность; это важнейшие направления в богословии Хомякова и Достоевского, авторов, произведения которых мать Мария цитирует как ключевой источник мысли и о которых она

сама писала в конце 1920-х» [Williams, 235]. Поль Ладусер отмечает «четыре краеугольных камня богословия матери Марии»: «Вторая евангельская заповедь, любовь к ближнему; православное понятие соборности; Богочеловечество, главная тема русского религиозного возрождения; и Евхаристия» [Ladouceur, 66].

8. Протоиерей Эндрю Лаут, выделяя основные черты богословской мысли о. Сергия, отмечает: «Булгаков прежде всего — литургический богослов, и не потому, что пишет о литургии, но потому, что пишет из литургии» [Лют, 93].

обществе «Православное Дело» была предпринята попытка практической реализации такой экклезиологии, полного соединения мысли и жизни, мысли о Церкви и церковного дела. Попробуем взглянуть более пристально именно на эти «приводные механизмы», соединившие теорию и практику.

В парижском архиве сохранился документ — машинопись заявления для подачи в префектуру парижской полиции, с просьбой о регистрации нового объединения; видимо, черновик или проект, еще без подписей, на французском языке, датированный 22 июня 1935 г., в котором написано, что «цель объединения состоит в организации помощи и духовной, материальной и моральной поддержки русским эмигрантам во Франции» [*Проект заявления*]. То есть целью этого объединения является «духовная, материальная и моральная» помощь и поддержка нуждающимся эмигрантам, объемлющая собою их телесные, душевные и духовные потребности. Эта триада духа, души и тела не случайна. В статье «Вторая евангельская заповедь», впервые опубликованной в сборнике объединения «Православное Дело» (1939, под заголовком «Вторая заповедь»), м. Мария подробно рассматривает разные этапы помощи ближнему: отношение христианина «к плоти брата своего», которое должно быть более внимательным, чем отношение «к своей плоти» [*Мать Мария 1992а, 222*] (именно такая забота о материальном существовании ближних связана с «призванием христианина к социальной работе» [*Мать Мария 1992а, 223*]); внимание к душевному миру другого человека, неотделимое от «напряженной доброжелательности» и способности «ставить себя на место» другого человека, «быть для каждого каждым» [*Мать Мария 1992а, 225*]; и, наконец, духовная помощь, связанная с умением разглядеть в каждом человеке «исковерканный злой силой», но реальный образ Божий [*Мать Мария 1992а, 226*] и вести за него духовную брань. Именно такое напряженное внимание к человеку, нуждающемуся в помощи, во всей его целостности, с учетом не только его физических нужд, но и душевных страданий и духовных запросов, и обусловило призвание «Православного Дела» не только к социально-благотворительной, но и к миссионерской и культурно-просветительской работе: только таким всесторонним охватом и можно было реально помочь нуждающимся. В листовке-брошюре, выпущенной «Православным Делом» для распространения среди русской эмиграции, объединение названо «социально-миссионерским», выделены три принципиальные задачи, которые оно ставит перед собой:

- а) Организацию и объединение помощи нуждающимся, больным, безработным, одиноким и др. — всякой душе скорбящей и озлобленной, милости и участия требующей.
- б) Организацию христианской миссионерско-просветительной деятельности путем устройства лекций в Париже и провинции, бесед, съездов, распространения Слова Божия и духовной литературы.
- в) Братское объединение всех работников Православного Дела, где бы они не находились [*Православное Дело*].

Забота о ближнем на уровне тела — души — духа здесь прописана уже более конкретно, как реальная социальная помощь «нуждающимся, больным, безработным», как помощь «душе», в ее скорби и озлоблении, требующей милости и участия. Духовно-душевная составляющая такой помощи и будет «организацией христианской миссионерско-просветительной деятельности». На практике это означает целостный подход к каждому нуждающемуся как к живой телесно-душевно-духовной личности и организацию работы сразу на трех этих уровнях: 1) устройство общежитий и столовых, врачебная помощь; 2) просветительская работа и утешение страждущих, вовлечение людей в культурное поле; 3) устройство при общежитии церковного прихода и служб, проведение духовных бесед, распространение Слова Божия, разные виды духовного образования, от детской воскресно-четверговой школы до миссионерских курсов; возможность дискуссий на животрепещущие духовные темы⁹.

Необычна и принципиальна третья линия задач, поставленных перед собой «Православным Делом»: «братское единение» всех его участников. В 1939 г. выходит сборник «Православное Дело», задуманный как первый номер журнала, предполагавшегося как регулярное периодическое издание, которому помешала начавшаяся Вторая мировая война. В статье «Объединение „Православное Дело“ II», не датированной, но написанной, по всей видимости, в 1942 г. (так как там подводятся итоги семилетней работы объединения), м. Мария пишет: «...Выпущенный нами сборник являет такую степень единомыслия, что любая статья его могла бы быть подписана любым из авторов других статей» [*Мать Мария 1992a*, 253]. Авторами сборника, кроме самой м. Марии, были Г. П. Федотов (статья «Любовь и социология»), Н. А. Бердяев (статья

9. Обзор деятельности «Православного Дела» см.: [*Плюханов*].

«Христианство и опасность материалистического коммунизма»), К. В. Мочульский (статья «Идея социального христианства в русской философии»), иером. Лев (Жилле) (статья «Страдающий Бог»). В деятельности «Православного Дела» принимали активное участие также Ф. Т. Пьянов, о. Дмитрий Клепинин, И. И. Фондаминский. Говоря об этом центральном ядре «Православного Дела», стоит отметить, что входили в него выдающиеся представители русского зарубежья, оставившие после себя богатейшее творческое наследие (как мыслители Федотов и Бердяев или литературный критик Мочульский), или прославленные в лике святых (как «парижские мученики»: И. И. Фондаминский, сама м. Мария, о. Дмитрий Клепинин и сын м. Марии Ю. Д. Скобцов, прославленные в лике святых Священным синодом Константинопольского патриархата в 2004 г.). Кроме того, членов этого ядра связывали между собой не только общая работа и церковное дело, но и очень личные дружественные связи, и вплетение личной дружбы в эту церковную задачу «братского единения» для участия в общем церковном деле тоже очень характерно.

Наконец, главной особенностью объединения становится «революционный» метод его работы, который м. Мария описывает как экспериментально-искомый, как то, что они только пытаются нащупать: «Мы должны попробовать найти этот православный соборно-личный метод» [*Мать Мария 1992a, 262*], такая работа — «лаборатория» для будущей России [*Мать Мария 1992a, 262*], напряженное искание и создание того, чего еще нет, но что непременно должно быть. В этом методе стоит выделить два аспекта. Первый — это необходимость в процессе социальной работы видеть в каждом человеке, которому оказывается помощь, подлинную личность, образ Божий, как бы ни был этот образ затемнен и исковеркан, как бы низко ни пал человек в социальном или моральном плане: «Мы не можем дать куска хлеба, если мы не почувствовали в просителе человека» [*Мать Мария 1992a, 260*], если мы видим в нем лишь объект благотворительности, а не живую и незаменимую личность, за которую умер Христос. Это «мистика человекообщения», которая является основной богословской интуицией м. Марии¹⁰, в действии: без способности увидеть Христа в этом опустившемся, бездомном эмигранте никакая подлинная социально-церковная помощь невозможна.

10. См. статью «Мистика человекообщения», вошедшую в ее текст «О монашестве»: [*Мать Мария 1992a, 141–149*].

Второй аспект соборно-личного метода заключается в том, что это выстраивание общей церковной жизни, творческой и захватывающе интересной, и только в пространстве такой жизни и возможно «живое многоединство» церковного организма: «Мы не хотим быть благотворителями, — пишет м. Мария, — мы строим общую жизнь» [Кузьмина-Караваева, 363]. В такой творческой парадигме и был создан дом на улице Лурмель: не как благотворительная столовая и общежитие, но как возможность равноуровневой вовлеченности в общую жизнь и приобщения через это к Подателю Жизни: от уплаты за обед или помощи на кухне — до участия в церковных службах и в жизни культурно-просветительского центра. Именно поэтому так важны отношения внутри «малой церкви» — братского ядра объединения, с его максимальной духовной напряженностью и приобщенностью евхаристической жертве, ведь только тогда каждый человек, по мере вовлечения в это живое соборование, будет изменен, «переработан, как живая частица вещества» [Мать Мария 1992а, 263], а каждое дело будет тогда становиться «литургией, проецируемой из церкви в мир» [Мать Мария 1992а, 263].

Интересно, что тема живой жизни также весьма характерна и для булгаковской экклезиологии. В «Невесте Агнца» о. Сергей рассматривает церковь «как организацию благодатной жизни, так и самую жизнь» [Булгаков 1945, 276], как «церкви во множественном числе, соединенные единством жизни, и Церковь как саму эту жизнь» [Булгаков 1945, 278], как «живое многоединство» [Булгаков 1945, 280]. Оливье Клеман видел одну из главных особенностей жизни и творчества м. Марии в их нераздельном единстве как раз в том, что она «умела создавать особые места, где бурлила и пламенела жизнь» [Клеман, 71]. Таким местом жизни было главное «произведение» м. Марии — созданный ею Дом на улице Лурмель, в котором приобщение к общей жизни создавалось не обязательным посещением церковным служб, а свободным входением в это притягательное пространство таинственной, интересной и хрупкой жизни, которое и есть Церковь. Таким местом для жизни вокруг нее становился и барак концлагеря Равенсбрюк, где она придавала своим союзницам «желание жить» [Современные свидетельства, 276]. Поэтому, может быть, одна из самых удивительных черт такого соборно-личного метода, или экклезиологии живой жизни, — это его заразительность. Лев Зандер, считавший главной особенностью булгаковской мысли «его способность вдохновлять и окрылять душу», писал, что «эпиграфом всей экклезиологии о. Сергия (как, впрочем, и всего его творчества) могут быть

поставлены слова евхаристического возгласа „Горе имеем сердца“» [Зандер 1948б, 276]. Столь же заразительно-вдохновляющими остаются для нас жизнь и творчество м. Марии, несмотря на весь трагизм ее жизни, на страшный, мученический ее конец.

Таким образом, вопрос рецепции разработанной этими мыслителями экклезиологии, с ее представлением о Церкви как живом многоединстве, как о реальной соборности, вопрос связи этой мысли с реальной церковной работой по оказанию помощи неимущим и социально незащищенным людям, которую осуществляло объединение «Православное Дело», становится уже не просто научной проблемой, но чем-то большим — вопросом церковной преемственности, возможности в нашей церковной жизни XXI века принять дар, переданный нам выдающимися мыслителями и церковными деятелями русского зарубежья, новомучениками XX века.

Источники

1. Булгаков 1931 = Булгаков Сергей, прот. Душа социализма I // Новый град. 1931. № 1. С. 49–58.
2. Булгаков 1933 = Булгаков Сергей, прот. Душа социализма III // Новый град. 1933. № 7. С. 35–43.
3. Булгаков 1945 = Булгаков Сергей, прот. Невеста Агнца. О Богочеловечестве. Ч. 3. Париж : YMCA-Press, 1945. 622 с.
4. Булгаков 1991 = Булгаков Сергей, прот. Христианская социология // Вестник РХД. 1991. № 161. С. 5–59.
5. Булгаков 2021 = Булгаков Сергей, прот. Чаша Грааля. Софиология страдания. Москва : Никея, 2021. 384 с.
6. Кузьмина-Караваева = Кузьмина-Караваева Е. Ю. Избранное. Москва : Сов. Россия, 1991. 448 с.
7. Мать Мария 1992а = Мать Мария (Скобцова). Воспоминания, статьи, очерки : В 2 т. Париж : YMCA-Press, 1992. Т. 1. 332 с.
8. Мать Мария 1992б = Мать Мария (Скобцова). Воспоминания, статьи, очерки : В 2 т. Париж : YMCA-Press, 1992. Т. 2. 284 с.
9. Мать Мария 2019 = Мать Мария (Скобцова; Кузьмина-Караваева Е. Ю.). Россия и эмиграция : Жития святых ; Религиозно-философские очерки ; Ранняя публицистика ; Письма и записные книжки. Москва : Русский путь ; Париж : YMCA-Press, 2019. 808 с.
10. Православное Дело = «Православное Дело», листовка-брошюра, б. д. 4 с. // Архив С. В. Медведевой. Папка «Православное Дело». Франция, Париж.

11. *Проект заявления* = Проект заявления в префектуру полиции. На фр. яз. 1935. 1 л. // Архив С. В. Медведевой. Папка «Православное Дело». Франция, Париж.
12. *Скобцова* = Скобцова Е. Ю. Социальные сдвиги в эмиграции // Новый град. 1932. № 2. С. 70–74.
13. *Справка* = Справка. На бланке «Православного Дела», на фр. яз. 1939 г. 1 л. // Архив С. В. Медведевой. Папка «Православное Дело». Франция, Париж.

Литература / References

1. *Викторова* = Викторова Т. В. «Отец и друг»: К истории взаимоотношений матери Марии (Скобцовой) и прот. Сергия Булгакова // Сергей Николаевич Булгаков / Под ред. А. П. Козырева. Москва: Политическая энциклопедия, 2020. С. 491–506.
 Viktorova T. V. (2020). “Father and friend”: on the history of the relationship between mother Maria Skobtsova and Rev. Sergius Bulgakov”, in A. P. Kozurev (ed.). *Sergei Nikolaevich Bulgakov*. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, pp. 491–506 (in Russian).
2. *Гаккель* = Гаккель Сергей, прот. Мать Мария. Париж: YMCA-Press, 1992. 280 с.
 Gakkel Sergius, archpriest (1992). *Mother Maria*. Paris: YMCA-Press (in Russian).
3. *Зандер 1927* = Зандер Л. Клермонский съезд // Путь. 1927. № 6. С. 116–119.
 Zander L. (1927). “Congress of Clermont”. *Put’*, n. 6, pp. 116–119 (in Russian).
4. *Зандер 1948a* = Зандер Л. А. Бог и мир: Миросозерцание отца Сергия Булгакова: В 2 т. Т. 1. Париж: YMCA-Press, 1948. 473 с.
 Zander L. A. (1948). *God and the World: The Worldview of Father Sergius Bulgakov*, in 2 v., v. 1. Paris: YMCA-Press (in Russian).
5. *Зандер 1948б* = Зандер Л. А. Бог и мир: Миросозерцание отца Сергия Булгакова: В 2 т. Т. 2. Париж: YMCA-Press, 1948. 386 с.
 Zander L. A. (1948). *God and the World: The Worldview of father Sergius Bulgakov*: in 2 v., v. 2. Paris: YMCA-Press (in Russian).
6. *Клеман* = Клеман О. В пустыне сердец // Вестник РХД. 2010. № 196. С. 66–73.
 Cleman O. (2010). “In the desert of hearts”. *Vestnik RHD*, n. 196, pp. 66–73 (in Russian).
7. *Крошкина* = Крошкина Л. В. «Свободное трудничество» в опыте соиздания «Православного Дела» матери Марии (Скобцовой) // Вестник

Свято-Филаретовского института. 2023. Вып. 46. С. 99–115. https://doi.org/10.25803/26587599_2023_46_99.

Kroshkina L. V. (2023). “‘Free labor’ in the experience of creating the ‘Orthodox Work’ of mother Maria (Skobtsova)”. *The Quarterly Journal of St. Philaret’s Institute*, iss. 46, pp. 99–115 (in Russian). https://doi.org/10.25803/26587599_2023_46_99.

8. *Лаут* = Лаут Эндрю, прот. Современные православные мыслители: от «Добротолюбия» до нашего времени / Пер. с англ. Москва : Паломник, 2020. 620 с.

Louth Andrew, archpriest (2020). *Modern Orthodox thinkers: from the “Philokalia” to our time*. Moscow : Palomnik Publ. (in Russian).

9. *Ликвинцева* = Ликвинцева Н. В. Мать Мария (Скобцова) как богослов и религиозный мыслитель // Русская эмиграция : Церковная жизнь и богословско-философское наследие : Материалы научной конференции 10–12 марта 2021 г. Москва : ПСТГУ, 2022. С. 49–64.

Likvintseva N. V. (2022). “Mother Maria Skobtsova as a theologian and religious thinker”. *Russian Emigration: Church Life and Theological and Philosophical Heritage : Materials if the scientific conference, 10–12 March 2021*. Moscow : PSTGU, pp. 49–64 (in Russian).

10. *Мочульский* = Мочульский К. В. Монахиня Мария (Скобцова). Воспоминания // Третий час. 1946. Вып. 1. С. 64–78.

Mochulsky K. V. (1946). “Nun Maria Skobtsova. Memories”. *Tretii chas*, v. 1, pp. 64–78 (in Russian).

11. *Плюханов* = Плюханов Б. Объединение «Православное Дело» // Вестник РХД. 1991. № 161. С. 133–139.

Pliuhanov B. (1991). “Association ‘Pravoslavnoe Delo’”. *Vestnik RHD*, n. 161, pp. 133–139 (in Russian).

12. *Современные свидетельства* = Современные свидетельства о матери Марии : Материалы круглого стола «Не хочу я быть воспоминанием, буду вам в грядущее призыв» (март 2016, Париж) // Вестник РХД. 2016. № 205. С. 276–295.

“Modern testimonies about Mother Maria: Materials of the round-table ‘I don’t want to be a memory, I will call you in the futer’ (March 2016, Paris)”. *Vestnik RHD*, 2016, n. 205, pp. 276–295 (in Russian).

13. *Хондзинский* = Хондзинский Павел, прот. Персоналистическая экклесиология прот. Сергия Булгакова, прот. Георгия Флоровского и В. Н. Лосского // Христианское чтение. 2020. № 5. С. 10–22. https://doi.org/10.47132/1814-5574_2020_5_10.

Khondzinskii Pavel, archpriest (2020). “The Personalistic Ecclesiology of Archpriest Sergey Bulgakov, Archpriest Georges Florovsky and

V. N. Lossky". *Khristianskoye Chteniye*, n. 5, pp. 10–22 (in Russian).
https://doi.org/10.47132/1814-5574_2020_5_10.

14. *Шмаина-Великанова* = Шмаина-Великанова А. И. Внехрамовая литургия матери Марии // Вестник РХД. 2000. № 181. С. 30–46.
Shmaina-Velikanova A. I. (2000). "Liturgy outside the church walls of mother Maria". *Vestnik RHD*, n. 181, pp. 30–46 (in Russian).
15. *Kisliakov* = Kisliakov D. (2020). "The Christological Basis of Bulgakov's Ecclesiological Perspective and its Meaning for the 21st Century". *International Journal of Orthodox Theology*, n. 11/3, pp. 43–73.
16. *Ladouceur* = Ladouceur P. (2018). "The Social and Political Theology of Love of Saint Maria of Paris". *Sobornost*, v. 40, 1, pp. 60–74.
17. *Nivière* = Nivière A. (2000). "La philosophie de l'histoire chez Serge Boulgakov". *Contacts*, n. 191, pp. 211–231.
18. *Williams* = Williams R. (2021). "The Body of Christ and the ministry of Mary", in Idem. *Looking East in Winter: Contemporary Thought and the Eastern Christian Tradition*. London : Bloomsbury, pp. 216–240.

Информация об авторе

Н. В. Ликвинцева, канд. филос. наук, ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья имени А. И. Солженицына.

Information about author

N. V. Likvintseva, Cand. Sci. (Philosophy), Leading Researcher, The House of The Russian Abroad of A. Solzhenitsyn.

Статья поступила в редакцию 12.07.2023; одобрена после рецензирования 12.08.2023; принята к публикации 15.08.2023.